

Известно, что Аристотель был первым философом, который четко различил теоретический и практический разум. Аналогом практического разума у Аристотеля выступает рассчитывающая (логистическая – λογιστικόν) часть души, с помощью которой мы созерцаем изменяющиеся сущности. Аналогом же теоретического является научная (эпистемическая – ἐπιστημονικόν) часть души, благодаря которой мы можем созерцать неизменные сущности. Практический ум способен приводить человека в движение по месту, а теоретический не способен на это. Помимо этого они отличаются своими целями. Для практического разума в качестве цели выступает благо, осуществимое в поступке. В то время как целью теоретического разума является истина. Исходя из этого может сложиться впечатление, что истина имеет отношение исключительно к теоретическому разуму. Однако все не так однозначно. В настоящей статье мы рассмотрим аристотелевское понятие истины в контексте двух разумов – теоретического и практического. Особенное внимание будет уделено проблематичному понятию практической истины. При этом будет осуществлено сравнение теоретической и практической истины с некоторыми положениями теории интенциональности Дж. Серля.

Теоретическая истина

Понятие теоретической истины рассматривается Аристотелем в *Met.* VI 4 и IX 10. В шестой книге «Метафизики» Аристотель отмечает, что «ложное и истинное не находятся в вещах..., а имеются в [рассуждающей] мысли»¹ (*Met.* VI 4, 1027b25–6). При этом истинным считается такое утверждение, которое высказывается «относительно того, что на деле связано, и отрицание относительно того, что на деле разъединено» (Там же). Соответственно, ложным будет утверждение, высказывающее противоположное. Иначе говоря, истиной является соответствие порядка мыслей порядку вещей в объективной реальности. При этом в соответствие приводятся мысли, а не внешняя действительность: «не потому ты бледен, что мы правильно считаем тебя бледным, а, наоборот, именно потому, что ты бледен, мы, утверждающие это, говорим правду» (*Met.* IX 10, 1051b6–9). Таким образом, очевидно, что в рамках теоретического разума Аристотель разрабатывает корреспондентную теорию истины. Любопытно отметить, что данная теория находит свое отражение в работах Дж. Серля и в его понятии «направление соответствия» (*a direction of fit*): «Убеждения, например, являются истинными или ложными в зависимости от того, соответствует их содержание объективной реальности или нет... Поскольку убеждение должно соответствовать независимо от него существующему положению вещей в мире, мы можем сказать, что убеждение обладает направлением соответствия от разума к миру. Задача убеждения как части разума состоит в том, чтобы представлять независимо существующую реальность

¹ Здесь и далее сочинения Аристотеля цитируются по изданию: Аристотель. Сочинения в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1975; Аристотель. Сочинения в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983.

или вписываться в нее, и успех или неудача убеждения будет зависеть от того, насколько укладывается его содержание в реальное положение вещей в мире»².

Если в отношении к теоретическому разуму истина выступает основной категорией, то для практического разума она выглядит несколько инородно. Поэтому возникает вопрос, уместно ли вообще говорить об истине применительно к практическому разуму? Только что упомянутый Серль отказывался допускать возможность истинности и ложности в данной области: «...желания и намерения не бывают истинными или ложными; они либо исполняются, либо не исполняются, в зависимости от того, соответствует или не соответствует реальности их содержание»³. На первый взгляд Аристотель тоже отвечает отрицательно на данный вопрос, поскольку по его мнению в отношении «человеческих дел и того, о чем можно принимать решения» (*EN* 1141b8–9) следует говорить скорее о правильности, нежели об истине: «сознательный выбор хвалят, скорее, за то, что [выбрано] должное ($\delta\epsilon\acute{\iota}$), т. е. за верность ($\acute{\omicron}\rho\theta\acute{\omega}\varsigma$), мнение же [одобряют] за истинность ($\acute{\alpha}\lambda\eta\theta\acute{\omega}\varsigma$)» (*EN* III 1112a6–8). Тем не менее, понятие истины все же фигурирует в практической философии Аристотеля. При этом в «Никомаховой этике» имеется как минимум два критически важных фрагмента, показывающих, что понятие истины играет не самую последнюю роль в этике Аристотеля.

Практическая истина в *EN* III

В III книге «Никомаховой этики» Аристотель ведет речь об «истинном благе» и об «истинном предмете желания», отмечая, что усматривать таковые способен только добродетельный человек: «Добропорядочный человек правильно судит в каждом отдельном случае, и в каждом отдельном случае [благом] ему представляется истинное [благо]. Дело в том, что каждому складу присущи свои [представления] о красоте и удовольствии и ничто, вероятно, не отличает добропорядочного больше, чем то, что во всех частных случаях он видит истину ($\tau\acute{\alpha}\lambda\eta\theta\acute{\epsilon}\varsigma$) так, будто он для них правило и мерка ($\kappa\alpha\upsilon\acute{\omega}\nu$ καὶ μέτρον)» (*EN* III 1113a29–33). Поскольку истинное благо совпадает с выбором добродетельного человека, то можно сказать, что практическая истина в данном случае есть согласование внешнего мира с видением добродетельного человека. Иначе говоря, видение добродетельного человека всякий раз задает «истинное» (правильное) положение вещей. Если продолжить сравнение подходов Аристотеля с теорией интенциональности Серля, то представление Аристотеля о добродетельном человеке как каноне до некоторой степени напоминает специфику интенциональных состояний воли, которая, по мнению Серля, заключается в том, что они имеют «направление соответствия от мира к разуму»: «Желания, с другой стороны, имеют направление соответствия противоположное тому, которое присуще убеждениям. Желания отражают не положение вещей в мире, а то, каким мы его хотим видеть. Так сказать, задача мира

² Серль Дж. Рациональность в действии/Пер. А. Колодия, Е. Румянцевой. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С.54–55.

³ Там же. С. 54.

заключается в том, чтобы вписаться в желание. Желания и намерения отличаются от убеждений тем, что они имеют *направление соответствия от мира к разуму*⁴.

Возвращаясь к Аристотелю, следует отметить, что представленная в предыдущем абзаце реконструкция касается только истины «видения», то есть относится только к усмотрению истинного блага. Дело в том, что процитированный ранее фрагмент предваряется рассуждением Аристотеля о том, что является целью желания – истинное благо или кажущееся благо. В качестве предмета желания истинное благо не может рассматриваться, поскольку человек может сделать неверный выбор и по факту избрать зло. Кажущееся благо в качестве предмета желания тоже нельзя указывать, ведь тогда выходит, что естественного предмета желания не существует (*EN 1113b15–23*). В итоге, Аристотель предлагает остановиться на том, что истинный предмет желания – это собственно благо, а применительно к каждому человеку в отдельности – кажущееся благо, при этом только добродетельный человек способен усматривать истинное благо, благо же дурного человека есть случайное благо. Так или иначе, но практическая истина в данном контексте является «половинчатой», поскольку касается только усмотрения блага, но не его достижения. Однако, как известно, предмет этики это не отвлеченное знание, но правильные поступки, и не просто благо само по себе, но «благо, осуществляемое в поступке» (*EN 1097a23*). Поэтому, если истина и возможна в практической философии Аристотеля, то она должна касаться не только самого блага, но и его достижения. За достижение же отвечает рассудительность, рассматриваемая Аристотелем в VI книге «Никомаховой этики».

Практическая истина в *EN VI*

В этой книге Аристотель дает следующее определение практической истины – «истина, которая согласуется с правильным стремлением» (*ἀλήθεια ὁμολόγως ἔχουσα τῆ ὀρέξει τῆ ὀρθῆ*) (*EN 1139a30–31*). Эта небольшая заметка вызывает значительные затруднения у современных исследователей. Прежде всего нет согласия относительно носителя или обладателя практической истины. Э. Энском полагает, что таковым является действие, Г. Лир – человек, С. Броуди и К. Роуви – разум. Также представления исследователи разделились на тех, кто за данным высказыванием пытается усмотреть продуманную теорию практической истины (к таковым относятся Энском, Броуди и Роуви) и тех, кто отказывается признавать серьезный теоретический статус данного высказывания, полагая, что сам Аристотель понятие практической истины никак не определял, однако позже это понятие было приписано ему комментаторами (этой точки зрения придерживаются являются Дж. Барнз и Э. Кенни). Мы не склонны к скептицизму в данном вопросе, соглашаясь с К. Роуви и С. Броуди в том, что отказ от понятия практической истины повлек бы за собой отказ от базовых положений аристотелевской философии относительно

⁴Там же. С. 55.

рассудительности и разумной части души⁵. В то же время признание существования этого понятия обязывает исследователей раскрыть его содержание, что не так просто.

Перечислим самые основные интерпретации. Бродди предлагает понимать практическую истину просто как правильную работу практического разума⁶. Э. Энском и Г. Лир склоняются к тому, что практическая истина состоит в истинности наших стремлений, решений или же действий: «Усвоить практическую истину – то есть действительно обладать ею, а не только быть способным иметь ее – это значит правильно выбирать, стремиться и действовать»⁷. Другой вариант, к которому склоняется Лир, заключается в том, что практическая истина – это либо некая комбинация истины и стремления, либо истинность наших стремлений и решений, либо и то и другое. М. Пакалук утверждает, что практическая истина есть истина суждений⁸. Е. В. Орлов предлагает понимать под практической истиной истину рассудительности и приходит к выводу, что эта истина «есть согласование правильного стремления с правильным логосом на основании доброго решения»⁹. По сути дела речь идет о согласованности нескольких инстанций, участвующих в процессе осуществления действия. К. Олферт также полагает, что в исследуемом фрагменте речь идет о рассудительности. По ее мнению, «истина, которая согласуется с правильным стремлением» (EN 1139a30–31) – это не дефиниция практической истины, но лишь дескрипция практической мудрости (т.е. рассудительности)¹⁰. При этом К. Олферт полагает, что «практическая истина отличается от прочих видов истин тем, что находится в особом рода отношениях со стремлением. В целом, практическая истина получает статус истины посредством тех же вещей, посредством которых стремление становится правильным. Вероятно, для Аристотеля, все стремления и решения являются правильными, когда они направлены на то, что является безоговорочным благом для нас или, по крайней мере, на то, что является таковым для определенного человека, в конкретное время в конкретной ситуации. Таким образом, практическая истина есть истина относительно того, что является безусловным благом для конкретного человека, когда принимаются во внимание все конкретные обстоятельства»¹¹. Из только что сказанного очевидно, что Олферт сводит практическую истину к уже известному нам видению истинного блага. Связывая правильность стремления со способностью

⁵ Broadie S., Rowe C. Aristotle: Nicomachean Ethics. Translation, Introduction and Commentary. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 362.

⁶ Olfert C. M. M. Aristotle's Conception of Practical Truth // Journal of the History of Philosophy. 2014. Vol. 52. No. 2. P. 205.

⁷ Lear G. R. Happy Lives and the Highest Good: An Essay on Aristotle's Nicomachean Ethics. Princeton: Princeton University Press, 2004. P. 102.

⁸ Pakaluk M. The Great Question of Practical Truth, and A Diminutive Answer // Acta Philosophica. 2010. No. 19. P. 145–160.

⁹ Орлов Е.В. Философский язык Аристотеля. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. С. 83.

¹⁰ Olfert C. M. M. Aristotle's Conception of Practical Truth // Journal of the History of Philosophy. 2014. Vol. 52. No. 2. P. 208.

¹¹ Ibid. P. 206.

добродетельного человека избирать «безоговорочное благо» или благо в конкретной ситуации, Олферт сужает и ограничивает представления Аристотеля о правильности. По Аристотелю, помимо правильного усмотрения блага необходимо также избрать правильный путь его достижения, и наоборот, выбрав правильный путь достижения цели, необходимо удостовериться, что избранная цель принесет благо, а не зло¹².

Подводя итог обзору полемики относительно EN 1139a30–31, следует отметить, что отождествлять практическую истину с одной инстанцией – будь то суждением, будь то стремлением, будь то действием вряд ли правильно. Этот вариант не внушает доверия, поскольку оценка поступка невозможна по одному критерию. Именно поэтому практическая истина связана с *согласованием* (см. выше вариант Е. В. Орлова). При этом конечной инстанцией этого согласования является моральный агент. Для достижения практической истины моральному агенту требуется (1) избрать истинное благо (а не мнимое, которое в итоге принесет «великое зло») и (2) избрать должный способ достижения блага. Соблюсти два эти требования, по мнению Аристотеля, способен только рассудительный человек. Он всегда усматривает истинное благо, поскольку является добродетельным человеком, и всегда избирает должные пути его достижения, поскольку является знатоком не только общего (τὸ καθόλου), но и частных (τὰ ἕκαστα), и даже в большей мере последнего. Соединив таким образом понятие практической истины с рассудительностью, мы можем лучше понять слова Аристотеля из EN VI iii, где он предлагает тезис о том, что душа достигает истины благодаря искусству, эпистеме, рассудительности, софии и уму. Душа достигает истины с помощью рассудительности, потому что именно рассудительность обеспечивает должные способы достижения истинного блага, что в итоге приводит к практической истине. В этом, на наш взгляд, заключается основное отличие практической истины, представленной в VI книге EN от практической истины, представленной в III книге EN. Поскольку в VI книге согласование проходит без выхода на внешний мир, то аналогия с «направлением соответствия от мира к разуму» Дж. Серля недопустима. На этом следует заострить внимание. Разрабатывая свою теорию рациональности, Серль, как мы уже видели, обращается к волевым и познавательным актам и показывает специфику каждого из них. В рамках познавательной деятельности субъект сам «подстраивается» под положение вещей в мире, а в рамках волевой – мир «подстраивается» под субъекта. Критерием успешности и итоговой инстанцией данного «подстраивания» в первом случае будет истина, а во втором – исполнение желания. Показательно, что оценка человеческой практики у Серля нравственно нейтральна, поскольку производится исключительно на предмет достижения / недостижения цели. Успешным считается то действие, которое достигло цели (желание исполнилось), не успешным – то, которое не достигло цели (желание не исполнилось). Оценочная шкала Аристотеля выглядит куда более

¹² См.: EN 1142b17–28. В этом пассаже Аристотель говорит о двух ошибках, которые возможно допустить при принятии решения: не верно выбрать цель и не верно выбрать способ достижения цели.

сложнее: «Аристотель дважды оценивает решение на правильность: если цель достигнута, принятое решение было правильным; если достижение цели принесло благо, то решение было добрым, и правильность его была правильностью доброго решения; если же достижение цели принесло зло, то решение было правильным в первом смысле, но неправильным во втором смысле»¹³. Таким образом, само по себе исполнение желания, по Аристотелю, еще не гарантирует обретения блага, поскольку предмет желания может оказаться кажущимся благом и по факту принести зло, поэтому решение следует оценивать дважды: на предмет достижения цели и результат, который принесла достигнутая цель. Для Серля нет иного блага и зла, помимо достижения и недостижения цели, удовлетворения и неудовлетворения желания. По всей видимости, эта одномерность оценки связана с уверенностью Серля в том, что «ничто не относится к действию так, как истина относится к убеждению»¹⁴. Этот тезис не является случайным. Автор повторяет его несколько раз на протяжении всей работы, что говорит об особом значении этого тезиса. Так, в пятой главе он звучит в усиленной форме: «В теоретическом разуме правильные основания приводят вас к истинному убеждению. В практическом разуме правильные основания приводят вас к намерению, которое... что? Не существует такого *x*, к которому интенция относится так же, как истина к мнению»¹⁵. Фактически речь идет о том, что в области, подвластной практическому разуму не существует никакого эталон и никакого критерия, согласно которым деятельность человека могла бы оцениваться. Очевидно, что элиминирование истины из практической сферы ведет к устранению возможности моральных оценок.

Заключение

Резюмируя вышесказанное, напомним, что целью статьи было рассмотрение представлений Аристотеля о теоретической и практической истине, а также параллельное соотнесение этих представлений с теорией интенциональности Дж. Серля. Как выяснилось, под теоретической истиной Аристотель понимал то, что сейчас принято называть корреспондентной теорией истины, то есть соответствие высказываний положению дел в реальности. При этом согласование достигается через «подстраивание» высказываний под окружающий мир, что Серль называет «направлением соответствия от разума к миру». Понятие практической истины в сочинениях Аристотеля можно обнаружить в двух местах – в III и VI книгах «Никомаховой этики». Практическая истина из III книги подразумевает истинное видение, то есть способность добродетельного человека усматривать «истинное благо», что отчасти напоминает специфику интенциональных состояний воли, которая, по мнению Серля, заключается в том, что они имеют «направление соответствия от мира к разуму». Поскольку цель этики, по Аристотелю, состоит не в

¹³ Орлов Е. В. Философский язык Аристотеля. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. С. 82.

¹⁴ Серль Дж. Рациональность в действии / Пер. А. Колодия, Е. Румянцевой. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 50–51.

¹⁵ Там же. С. 163.

отвлеченном знании, но в правильных поступках, постольку практическая истина не может сводиться только к истинному видению блага, но необходимо включает в себя и способы его достижение. Представленное в VI книге «Никомаховой этики» (1139a30–31) понятие практической истины полемично. Дав краткий обзор основных интерпретаций, мы пришли к заключению, что практическая истина в данном случае связана с согласованием нескольких компонентов, из которых состоит действие, а конечной инстанцией этого согласования является моральный агент. Иначе говоря, практическая истина есть согласованность цели и средств ее достижения. В связи с этим аналогии с теорией интенциональности Дж. Серля неуместны. Серль в принципе отказывается усматривать какие-либо аналоги истины в практической сфере, что в итоге приводит к полной деаксиологизации данной сферы. Понятие истины в рамках теоретического разума у Аристотеля и Дж. Серля аналогичны, и тем удивительней видеть разительное отличие в воззрениях этих философов на практический разум и место истины в нем. Описанный нами пример свидетельствует о том, что одной из задач моральной философии должна стать разработка проблемы специфики функционирования истины в непривычном контексте практического разума.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристотель*. Сочинения в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1975.
2. *Аристотель*. Сочинения в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983.
3. *Орлов Е. В.* Философский язык Аристотеля. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011.
4. *Серль Дж.* Рациональность в действии / Пер. А. Колодия, Е. Румянцевой. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
5. *Anscombe E.* Thought and Action in Aristotle. What is Practical Truth? // *New Essays on Plato and Aristotle* / Ed. by J. R. Bambrough. London: Routledge and Kegan Paul, 1965. P. 143-158.
6. *Broadie S., Rowe C.* Aristotle: Nicomachean Ethics. Translation, Introduction and Commentary. Oxford: Oxford University Press, 2002.
7. *Broadie S.* Practical Truth in Aristotle // *American Catholic Philosophical Quarterly*. 2016. Vol. 90. No. 2. P. 281-298.
8. *Lear G. R.* Happy Lives and the Highest Good: An Essay on Aristotle's Nicomachean Ethics. Princeton: Princeton University Press, 2004.
9. *Olfert C. M. M.* Aristotle's Conception of Practical Truth // *Journal of the History of Philosophy*. 2014. Vol. 52. No. 2. P. 205–231.
10. *Pakaluk M.* The Great Question of Practical Truth, and A Diminutive Answer // *Acta Philosophica*. 2010. No. 19. P. 145–160.